

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

КНИГИ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ «АЗБУКА-АТТИКУС»

- Туннель в небе. Есть скафандр — готов путешествовать
Фрайди. Бездна
Астронавт Джонс. Время для звезд
Кукловоды. Дверь в Лето
Луна — суровая госпожа
Красная планета. Звездный зверь
Марсианка Подкейн. Гражданин Галактики
Иов, или Комедия справедливости
Небесный фермер. Среди планет. Космическая семья Стоун
Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга
«Магия, инкорпорейтед». Дорога Доблести
Чужак в стране чужой
Кот, который ходил сквозь стены
Двойная звезда. Звездный десант
Зеленые холмы Земли. История будущего. Книга 1
Не убоюсь зла
Расширенная Вселенная
Пасынки Вселенной. История будущего. Книга 2
Нам, живущим. Реквием
Свободное владение Фарнхэма
Число Зверя
Ракетный корабль «Галилей». Космический кадет
Уолдо, Неприятная профессия Джонатана Хога
и другие истории
Шестая колонна. Там, за гранью. Утраченное наследие
Уплыть за закат

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Уплыть за закат
Жизнь и любви Морин Джонсон
Мемуары одной беспутной леди

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
X 15

Robert A. Heinlein
TO SAIL BEYOND THE SUNSET: THE LIFE AND LOVES
OF MAUREEN JOHNSON

Copyright © 1987 by Robert A. and Virginia Heinlein,
trustees U.D.T., 6/20/83
All rights reserved

Перевод с английского Натальи Виленской

Серийное оформление Сергея Шикина

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-20883-4

© Н. И. Виленская, перевод, 1994
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

*Девчушкам, бабочкам и котяткам.
Сьюзен, Элеоноре и Крис и, как всегда, Джинни.
С любовью,*

Р. Э. Х.

...Вперед, друзья,
Открытиям еще не вышел срок.
Покинув брег и к веслам сев своим,
Уплыть за край заката и достичь
Вечерних звезд, пока еще я жив.

А. Теннисон. Улисс

КОМИТЕТ ЭСТЕТИЧЕСКИХ УСТРАНЕНИЙ

Я проснулась в постели с женщиной и котом. Кот был мне знаком, женщина — нет.

Я закрыла глаза и попыталась сосредоточиться — пристегнуть настоящее к воспоминаниям о вчерашнем вечере.

Бесполезно. Никакого «вчера» не существовало. Последнее, что я помню четко, — это салон иррелевантобуса Берроуза¹, в котором ехала в Нью-Ливерпуль. Потом раздался громкий треск, я ударилась головой о переднее сиденье, какая-то женщина подала мне ребенка, и мы все потянулись к аварийному выходу правого борта. В одной руке у меня был кот, в другой — ребенок. Потом я увидела мужчину, которому оторвало правую руку...

Содрогнувшись, я открыла глаза. Нет, у незнакомца рядом со мной рука была на месте и кровь не хлестала из куцевого обрубка. Может, мне просто приснился кошмар? Я горячо надеялась, что это так.

А если не так, то куда я дела ребенка? И чей он, собственно? Морин, так не пойдет. Если ты потеряла ребенка, тебе нет прощения.

— Пиксель, ты ребенка не видел?

Кот промолчал, и суд постановил, что он не признает себя виновным.

---

¹ Выход в иррелевантность, т. е. «безотносительность» к текущему пространству-времени, — метод пространственно-временных перемещений, который использовался, например, на яхте «Дора» Лазаруса Лонга (см. романы «Достаточно времени для любви» и «Кот, который ходил сквозь стены»). Метод, открытый Джейкобом Берроузом, позволял континуумоходу «Гэй Обманщица» перемещаться не только в пространстве-времени, но и между вселенными (см. роман «Число Звезды»). — *Примеч. С. В. Голд.*

Отец когда-то сказал мне, что я единственная из его дочерей, способная, усевшись на церковную скамью, вдруг обнаружить, что плюхнулась на горячую лимонную меренгу. Любая другая посмотрела бы, куда садится. (Я-то как раз смотрела. Но мой кузен Нельсон... Ну да ладно.)

Если оставить в стороне лимонные меренги, кровавые обрубки, пропавших детей, возникает вопрос: что за человек лежит в постели, повернувшись ко мне тошей спиной, скорее как супруг, чем как любовник? (Не припомню, чтобы выходила за него замуж.)

Я и раньше делила постель с мужчинами — и с женщинами, и с детьми, которые могли в нее надуть, и с кошками, которые занимали большую ее часть, и (однажды) с целым кварталом. Но будучи женщиной старомодной, все-таки предпочитаю знать, с кем сплю.

— Пиксель, кто это? Мы его знаем? — спросила я у кота.

— *Н-н-н-е-е-т.*

— Тогда давай посмотрим. — Я положила руку на плечо неизвестному, чтобы разбудить его и спросить, где мы с ним познакомились — если мы знакомы.

Плечо было холодное.

Он был мертв.

Не лучший способ начинать день.

Схватив Пикселя, я вскочила как ошпаренная. Пиксель запротестовал.

Я рявкнула:

— А ну, заткнись! У мамы проблемы. — Отключив на долю секунды свой подкорковый центр, я решила не выходить пока ни на улицу, ни в коридор (куда там ведет эта дверь?), а повременить и постараться оценить ситуацию, прежде чем звать на помощь. В этом был свой резон, поскольку я была в чем мать родила. У меня нет предрассудков на этот счет, но благоразумнее будет все же одеться, прежде чем заявлять о трупе. Полиция, вероятно, захочет меня допросить, а я этих легавых знаю — они используют любой повод, чтобы вывести человека из себя.

Поглядим сначала на труп...

Все еще прижимая к себе Пикселя, я обошла кровать и наклонилась над мертвым телом. (Фу-у!) Нет, я его не зна-

ла. И вряд ли захотела бы лечь с ним в постель, будь он даже жив-здоров. Но он не был: его половина кровати была залита кровью (брр). То ли она вытекла у него изо рта, то ли ему перерезали горло — я не знала, что именно случилось, и выяснить это мне не хотелось.

Я попыталась и стала искать свою одежду. Чутье подсказывало мне, что я нахожусь в отеле: гостиничный номер можно сразу отличить от комнаты в частном доме. Номер был роскошный — мне пришлось долго шарить в разных шкафах, комодах и нишах... а потом повторить это еще раз, поскольку никакой одежды я не нашла. Повторный осмотр, более тщательный, тоже ни к чему не привел. Ни клочка одежды — ни женской, ни мужской.

Волей-неволей я решилась позвонить управляющему, поделиться с ним своей проблемой, попросить его вызвать полицию и принести мне какой-нибудь халат, кимоно или что-нибудь в этом роде.

Я стала искать телефон — но Александр Грэхем Белл, как видно, зря прожил свою жизнь.

— Да пес их возьми! — в отчаянии закричала я. — Куда они засунули этот чертов аппарат?

— Мадам желает заказать завтрак? — раздался голос неведомо откуда. — Рекомендуем наш фирменный утренний стол: ваза с разнообразными свежими фруктами, несколько сортов сыра, корзинка со свежей выпечкой — хрустящие хлебцы и свежие мягкие булочки с джемом, желе, патокой и бельгийским маслом. В меню также имеются молодые барлопы en brochette¹, топленые яйца по-октавиански, копченый саванна слинкер², фаркелли в кисло-сладком соусе, баварский штрудель. Большой выбор обычных и игристых вин. Пиво «Штрайн», сносящее крышу. Кофе «моха», «кона», по-турецки, «проксима» — смесь или чистое. Все подается...

Я едва подавила позыв к тошноте:

— Не нужен мне завтрак!

---

¹ На вертеле (фр.). — Примеч. С. В. Голд.

² *Savannah slinker* — никто не знает, что это за зверь. Хайнлайн иногда использует в своих произведениях названия мифических зверей из детского фольклора штата Миссури. — Примеч. С. В. Голд.

— Может быть, мадам предпочтет наше «праздничное утро» — фруктовый сок на ваш вкус, свежесдобитый рогалик, изысканный выбор джемов или желе, а также сытный, но низкокалорийный горячий напиток по вашему выбору. В сопровождении последних известий, ненавязчивой фоновой музыки или же в умиротворяющей тишине...

— Я не хочу есть!

— Мадам, — озабоченно ответил голос, — я запрограммирован только на обслуживание блюдами и напитками. Переключить вас на другую программу? Служба уборки? Старший портье? Ремонтная служба?

— Дайте мне управляющего.

После короткой паузы я услышала:

— Обслуживание! Гостеприимство с улыбкой! Чем могу вам помочь?

— Соедините меня с управляющим!

— У вас возникли какие-то проблемы?

— Проблема в тебе! Ты человек или машина?

— Неужели это столь важно? Пожалуйста, скажите, чем я могу вам помочь.

— Если вы не управляющий, то ничем. Так на чем вы работаете — на гормонах или на электронах?

— Мадам, я машина, но очень гибкого типа. В моей памяти хранится весь курс прокрустова института гостиничного дела плюс все тематические наработки, сделанные до вчерашнего дня. Если вы сообразите изложить свою проблему, я немедленно подберу прецедент и скажу, как можно ее разрешить к удовлетворению гостя. Итак, я вас слушаю.

— Если ты сию же минуту не соединишь меня с управляющим, то гарантирую тебе, что он разнесет топором твою ржавую башку и поставит вместо тебя аналоговый мозг Берроуз—Либби. Кто бреет брадобрея?¹ Что говорят об этом твои тематические наработки? Идиот.

На этот раз мне ответил женский голос:

— Контора управляющего. Чем могу помочь?

---

¹ Парадокс Рассела звучит так: «Брадобрей бреет всех, кто не бреется сам. Кто бреет брадобрея?» Вопрос «Кто бреет брадобрея?» логически неразрешим, Морин намекает, что и ее проблема так же непосильна для машинного сознания. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Заберите мертвеца из моей постели!

Пауза.

— Служба уборки. Говорит Эстер. Чем мы можем вам помочь?

— У меня в постели труп. Меня не устраивает подобный беспорядок.

Снова пауза.

— Эскорт-служба Цезаря Августа, услуги на любой вкус. Если мы правильно поняли, у вас в постели умер кто-то из нашего персонала?

— Я не знаю, кто он, — знаю только, что он мертвый. Кто у вас занимается такими вещами? Горничная? Мусорщики? Гостиничный врач? Пусть заодно сменяют простыни.

На этот раз мне включили фоновую музыку. Я прослушала две первые арии «Кольца нибелунгов» и начала слушать третью...

— Расчетная служба, говорит мистер Мюнстер. Этот номер предназначен для одиночного заселения. Мы должны будем взять дополнительную...

— Слушай меня, придурок, это же труп. Как можно брать с трупа плату за проживание? Между прочим, его кровь капает с постели на ваш ковер. Если не пришлете кого-нибудь прямо сейчас, ковер будет испорчен.

— За порчу ковра взимается штраф. Это выходит за рамки обычного износа.

— *P-p-p!*

— Простите?

— Я сейчас подожду шторы.

— Вы зря потратите время, эти шторы огнеупорны. Однако я записываю вашу угрозу на пленку. Согласно положению о гостиницах, раздел семь дэ...

— Уберите отсюда этого мертвеца!

— Минутку. Соединяю вас со старшим портье.

— Я пристрелю его, как только он войдет в дверь. Я кусаюсь. Я царапаюсь. У меня пена изо рта. Я забыла принять свои таблетки.

— Мадам, пожалуйста, держите себя в руках. Мы гордимся своим...

— А потом я спущусь в ваш кабинет, мистер монстр Мюнстер, выдерну вас из вашего кресла и сяду в него сама,

а вас перекину через колено и спущу с вас штаны... Я вам не говорила, что я с Гаммы Геркулеса? Две с половиной g — мы таких, как вы, на завтрак едим. Так что оставайтесь на месте, чтобы мне не пришлось за вами гоняться.

— Мадам, с сожалением должен сказать, что вы не можете сесть в мое кресло.

— Хотите поспорить?

— У меня нет кресла; я надежно привинчен к полу. А теперь я должен проститься с вами и передать вас нашей службе безопасности. В ваш счет будут включены дополнительные пункты. Желаю приятно провести у нас время.

Они явились слишком быстро — я еще смотрела на те огнестойкие шторы и раздумывала: использовать мне их, как Скарлетт О'Хара использовала портьеры Тары¹, или ограничиться тойгой, как Юнис в «Последних днях Помпеи» (или это из «Камо грядеши?»). Тут они и ввалились: местный доктор, местный сыщик и местный вышибала (последний с тележкой). За ними толпились еще какие-то личности, и вскоре из собравшегося народа уже можно было свободно набрать две команды.

Напрасно я беспокоилась о том, что голая, — никто на меня и внимания не обращал... и это меня раздражало. Джентльмены обязаны хотя бы ухмыльнуться. Уместны были бы также свист, улюлюканье и прочие знаки внимания. Иначе женщина теряет уверенность в себе.

(Возможно, я слишком чувствительна — но с тех пор, как мне минуло полтора года, я каждое утро с немим вопросом изучаю себя в зеркале.)

В толпе, которая вломилась ко мне, была только одна женщина. Оглядев меня, она фыркнула, отчего мне сразу стало легче.

Потом мне вспомнилось кое-что. Когда мне было двенадцать, отец сказал, что у меня будет много хлопот с мужчинами.

— Отец, вы, видно, последнего ума лишились, — сказала я. — Я же некрасивая. Мальчишки в меня даже снежками не кидаются.

---

¹ Т. е. сшила из них платье, как поступила героиня романа М. Митчелл «Унесенные ветром».

— Чуть больше уважения. Это не важно, что ты некрасивая. Все дело в том, как от тебя пахнет, дорогая моя дочка. Тебе следует почаще мыться... иначе в одну прекрасную ночь тебя изнасилуют и убьют.

— Я моюсь каждую неделю! Сами знаете!

— В твоём случае этого недостаточно. Запомни мои слова.

Я запомнила и убедилась, что отец знал, о чем говорит. Когда мне хорошо и я счастлива, от меня пахнет, как от кошки во время течки. Но сегодня мне было плохо. Сначала меня напугал мертвец, потом машины своим выканьем вывели меня из себя — а это дает совсем другой запах. Кошка, у которой нет течки, может спокойно пройти через целое сборище котов, и никто на нее не обратит внимания. Как не обратили внимания на меня.

С моего бывшего соседа по кровати сняли простыню. Доктор осмотрел труп, не прикасаясь к нему, потом пригляделся повнимательней к жуткой красной луже, в которой тот лежал, нагнул, понюхал, а потом — у меня мурашки пошли по коже — обмакнул в нее палец и попробовал на вкус.

— Попробуйте вы, Адольф. Послушаем, что вы скажете.

Его коллега (по моему предположению) тоже попробовал на язык кровавую жижу:

— «Хайнц».

— Нет, «Скиннер».

— При всем моем уважении к вам, доктор Ридпат, вы испортили себе вкус дешевым джином, которым постоянно накачиваетесь. В «скиннеровском» кетчупе соли больше, и это убивает нежный томатный вкус. Вы не чувствуете разницы из-за своих дурных привычек.

— Десять тысяч, доктор Вайскопф? Все или ничего.

— Будь по-вашему. Как вы думаете, что послужило причиной смерти?

— Не пытайтесь подловить меня, доктор. Причина смерти — это ваша забота.

— Остановка сердца.

— Блестяще, доктор, блестяще. Но отчего оно остановилось?

— В случае судьи Хардэйкера вопрос уже несколько лет, скорее, стоял так: отчего он еще жив? Прежде чем высказать

свое мнение, я должен положить его на стол и вскрыть. Может быть, я поторопился. Может быть, окажется, что у него вообще не было сердца.

— Вы хотите его вскрыть для того, чтобы это выяснить, или для того, чтобы он уже наверняка не ожил?

— Что-то здесь шумно. Оформляйте передачу тела, и я отправлю его в морг.

— Давайте форму девятьсот четыре, я заполню. Главное, не показывайте эту дохлятину гостям. В гранд-отеле «Август» никто не умирает.

— Доктор Ридпат, я умел улаживать подобные дела, когда вы еще корпели над своим дипломом.

— Уверен, что умели, Адольф. Сыграем после в лаунбол?

— Хорошо, Эрик, спасибо.

— А потом пообедаем. Зенобия будет вас ждать. Я заеду за вами в морг.

— Извините, не могу. Иду со своим ассистентом на оргию к мэру.

— Ничего страшного. Зенобия тоже не пропустит большую вечеринку фиесты — пойдем все вместе. Так что приводите и ее.

— Не «ее», а «его».

— Простите, был немного удивлен; я думал, вы с этим завязали. Что ж, приведите его.

— Эрик, вас не угнетает собственный цинизм? Он сатир, а не гусыня.

— Тем лучше. Когда на закате начнется фиеста, Зенобия оценит любую галантную фривольность с его стороны — лишь бы кости ей не переломал.

Из их дурацкой болтовни я уяснила одно: это не Нью-Ливерпуль. В Нью-Ливерпуле не празднуют никакой фиесты — а в местном фестивале, похоже, сочетаются мюнхенский Fasching¹ и карнавал в Рио с легкой примесью тюремного бунта. И так, это не Нью-Ливерпуль. Остается определить, что это за город, что за планета, что за год и что за вселенная. А там надо подумать и о себе. Одежда. Деньги. Социальное положение. И как попасть домой. Но я не волновалась. Пока

---

¹ Масленичный карнавал (нем.).

плоть еще не остыла и кишечник работает регулярно, все проблемы второстепенны и преходящи.

Двое докторов продолжали вышучивать друг друга, и я вдруг осознала, что еще ни слова не слышала на галакте. И даже на испанге¹. Они говорили на английском с резким выговором моего детства, а их словарь и идиомы тоже напомнили мне родной Миссури.

Морин, не смейся людей.

Пока лакеи готовились вынести тело (теперь это было просто нечто, завернутое в пыльные покрывала), судебный медик (или коронер?) взял сопроводительную карту, подписанную гостиничным врачом, и они оба собрались уходить. Я остановила местного доктора:

— Доктор Ридпат?

— Да? В чем дело, мисс?

— Меня зовут Морин Джонсон Лонг. Вы служите в этом отеле, не так ли?

— В некотором роде. У меня здесь кабинет, и я лечу гостей отеля, когда необходимо. Вам нужно на прием? Я тороплюсь.

— Только один вопрос, доктор. Как в этом отеле можно связаться с кем-нибудь из плоти и крови? Мне отвечают одни только болваны-роботы, а я тут застряла без одежды и без денег.

Доктор пожал плечами:

— Кто-нибудь непременно явится, как только я доложу о смерти судьи Хардэйкера. Беспokoитесь о своем гонораре? Почему бы вам не позвонить в агентство, которое вас к нему отправило? У судьи там, я думаю, открыт текущий счет.

— О! Но, доктор, я не проститутка — хотя этот вывод, наверное, напрашивается сам собой.

Он так высоко вздернул правую бровь, что зачес надо лбом дрогнул, и заговорил о другом:

— У тебя красивая киска.

---

¹ Язык придуман самим Хайнлайном (его название явно происходит от слов ИСПанский + АНГлийский), и на временной линии Два он служит аналогом искусственного международного языка эсперанто (создан Л. Заменгофом в 1887 г.) или же дальнейшим развитием аналогичной идеи.

Я не сразу поняла, что это относится к моему четвероно-
гому спутнику. Котик он, безусловно, красивый — огненно-
рыжий котище (под цвет моих волос) в яркую тигровую полоску.
Им восхищаются в нескольких вселенных.

— Спасибо, сэр. Его зовут Пиксель, он кот-путешествен-
ник. Пиксель, это доктор Ридпат.

Доктор поднес палец к розовому кошачьему носу:

— Здорово, Пиксель.

Пиксель проявил понимание (он не всегда проявляет его,
будучи котом с твердыми убеждениями). Но тут он обнюхал
протянутый палец и лизнул его.

Доктор расплылся в улыбке, а когда Пиксель счел, что
ритуальный поцелуй длится достаточно долго, убрал свой
палец.

— Чудный мальчик. Где вы его взяли?

— На Терциусе.

— Где этот Натерцус? В Канаде? Мм... Вы говорили, что
у вас проблемы с деньгами... Сколько вы возьмете за Пиксе-
ля? Наличными? Моя девчушка прямо влюбится в него.

(Я не стала мошенничать. Могла бы, но не стала. Пикселя
нельзя продать — он не останется у нового хозяина, потому
что этого кота и запереть невозможно. Каменные стены для
него не тюрьма¹.)

— Прошу прощения, но я не могу его продать — это не
мой кот. Он из семьи моего внука — одного из моих внуков —
и его жены. А Колин и Хейзел никогда бы не продали его, да
и не смогли бы — Пиксель им тоже не принадлежит. Он ни-
кому не принадлежит. Пиксель — свободный гражданин.

— Вот как? А может, я сумею его подкупить? Что ска-
жешь, Пиксель? Много конской печенки, свежая рыба, ко-
шачьи консервы — все, что захочешь. Вокруг полно стговор-
чивых кошечек, а твои запальные свечи мы трогать не ста-
нем. Ну как?

Пиксель беспокойно дернулся, что означало «пусти ме-
ня», и я послушалась. Он обнюхал докторские ноги, потерял
о них и недоверчиво спросил:

---

¹ Слегка искаженная цитата из английского поэта XVII в. Ричар-
да Лавлейса: «Железные решетки мне не клетка и каменные стены не
тюрьма».

— Да нну-у?

— Соглашайтесь, — сказал мне доктор. — Кажется, я его завоевал.

— Не ручаюсь, доктор. Пиксель любит путешествовать, но всегда возвращается к моему внуку — полковнику Колину Кэмпбеллу — и к его жене Хейзел.

Доктор в первый раз посмотрел на меня как следует:

— Внук-полковник? Мисс, да у вас галлюцинации.

(Я вдруг увидела себя его глазами. На Терциусе перед отъездом Иштар подвергла меня усиленной терапии — мне тогда было пятьдесят два, — а Галахад перестарался с косметическим освежением. Он предпочитает видеть женщин юными, особенно рыжих. И моих дочерей-близняшек постоянно держит в подростковом возрасте. Теперь мы с ними выглядим как тройняшки. Галахад — безобразник. Он самый любимый мой муж после Теодора, но об этом никто не знает.)

— Галлюцинации? Возможно, — согласилась я. — Я не знаю, где нахожусь, не знаю, какой сегодня день, не знаю, куда делись мои вещи и кошелек, не знаю, как здесь оказалась, — знаю только, что ехала на иррелевантбусе в Нью-Ливерпуль и с нами произошла какая-то авария. Не будь со мной Пикселя, я бы сомневалась, что я — это я.

Доктор Ридпат нагнулся к Пикселю, и тот позволил взять себя на руки.

— На чем, говорите, вы ехали?

— На межвселенском транспорте Берроуза, из Бундока¹ на Теллус-Терциус, временная линия Два, две тысячи сто сорок девятый год по галактическому летоисчислению или четыре тысячи триста шестьдесят восьмой по григорианскому, если вам так проще. Направлялась я в Нью-Ливерпуль, тоже на временную линию Два, где у меня было задание. Но что-то не сработало.

— Так-так. И у вас есть внук-полковник?

— Да, сэр.

— Сколько же вам лет?

---

¹ *Бундок*, он же Глухомань, — первое поселение на планете Терциус, в дальнейшем столица (см. «Достаточно времени для любви»). — *Примеч. С. В. Голд.*

— Смотря как считать, доктор. Родилась я на Земле, на временную линию Два, четвертого июля тысяча восемьсот восемьдесят второго года. Я жила там до тысяча девятьсот восемьдесят второго, сто лет без двух недель, а потом перебралась на Терциус, где меня омолодили. Было это пятьдесят два года назад по моему личному времени, а недавно со мной провели усиленный курс и сделали меня моложе, чем следовало бы: я предпочитаю быть зрелой женщиной, а не девчонкой. Но у меня действительно есть внуки — много внуков.

— Интересно. Может быть, пройдем в мой кабинет?

— Вы думаете, я не в своем уме?

Доктор ответил не сразу:

— Скажем лучше так: кто-то из нас двоих галлюцинирует. Тесты покажут, кто именно. И потом, моя медсестра, отличающаяся крайним цинизмом, без всяких тестов раскусит, у кого из нас крыша поехала. Пойдемте?

— Конечно. Спасибо вам, сэр. Только мне сначала надо что-нибудь надеть на себя, иначе я не смогу никуда выйти. (Впрочем, так ли это? У тех людей, что недавно здесь толпились, видимо, другие понятия о «непристойном виде», чем в Миссури моего детства. А у нас на Терциусе ходить нагишом у себя дома — в порядке вещей, в общественных местах нагота тоже не вызывает волнений. Все равно как если бы кто-нибудь пришел на свадьбу в комбинезоне — не совсем обычно, но ничего особенного.)

— Зачем? Ведь фестиваль вот-вот начнется.

— Фестиваль? Доктор, я все время пытаюсь объяснить вам, что я здесь чужак в земле чужой.

— Скоро начнется наш самый большой праздник. Официально он открывается на закате, но многие не дожидаются официального открытия. Сейчас перед отелем по бульвару уже бродит немало голых людей, они все пьяные и ищут себе партнеров.

— Партнеров? Для чего? — с притворной наивностью спросила я. Оргии не по мне. Все эти локти и коленики...

— А вы как думаете — для чего? Это обряд плодородия, дорогая моя, праздник в честь обильного роста плодов земных — и животных, если уж на то пошло. Сейчас все девственницы, которые еще остались в нашем славном городе, сидят под замком. Но по дороге в кабинет с вами ничего не случит-

ся... а потом я найду вам что-нибудь из одежды. Комбинезон, сестринскую форму — все равно что. Вас это устроит?

— Да, доктор, спасибо.

— На вашем месте, чтобы уж совсем не беспокоиться, я бы поискал в ванной большое пляжное полотенце и сделал из него кафтан. Если сумеете управиться за три минуты. Не копайтесь, милочка, мне пора к станку.

— Слушаюсь! — И я нырнула в ванную. Это была настоящая ванная — не какой-то освежитель. Обшаривая номер в поисках одежды, я видела там стопку турецких полотенец. Теперь я присмотрелась к ней повнимательнее и увидела, что два из них заметно толще остальных. Я развернула одно из них. Эврика! Прямо пончо богатого латиноамериканца, футов шесть в длину и три в ширину. Взяв из аптечки бритву, я прорезала посередине дырку для головы. А теперь найти бы, чем подпоясаться.

Пока я этим занималась, из фена для волос появилась человеческая голова — женская и довольно красивая. Тела не было. Случись это в мою первую сотню лет, я бы подскочила, но теперь голограммы для меня — дело привычное.

— Никак не удавалось застать вас одну, — сказала голова глубоким баритоном. — Я говорю от имени Комитета эстетических устраниений. Мы, кажется, причинили вам некоторые неудобства, о чем искренне сожалеем.

— Надо полагать! А что стало с ребенком?

— Не имеет значения. Мы будем держать с вами связь. — И голова исчезла.

— Эй, подождите! — Но передо мной снова был только фен.

Доктор Ридпат отвел глаза от Пикселя, продолжая почесывать ему подбородок:

— Пять минут сорок секунд.

— Извините, что задержалась, но мне помешали. Из фена появилась голова и заговорила со мной. Это здесь часто бывает? Или у меня опять галлюцинации?

— Вы, кажется, действительно нездешняя. Это телефон. Вот смотрите: телефон, пожалуйста!

Из рамы с довольно невыразительным натюрмортом высунулась голова, на сей раз мужская.

- Куда желаете звонить, сэр?
- Отбой. — (Голова скрылась.) — Так было?
- Да, только у меня была девушка.

— Само собой. Звонок застал вас в ванной, и компьютер выбрал голову соответствующего пола. Голова шевелит губами согласно произносимым словам — за этим тоже следит компьютер — и заменяет собой видеоизображение, если вы не хотите, чтобы вас видели. То же относится и к тому, кто вам звонит.

— Понятно. Голограмма.

— Да. Ну, пошли. Вы очень аппетитно выглядите в своем полотенце, но без него было еще лучше.

— Благодарю вас.

Мы вышли в коридор; Пиксель зигзагами бежал впереди.

— Доктор, что такое «Комитет эстетических устраниений»?

— Что? — удивился он. — Это организация убийц. Преступные нигилисты. А где вы про них слышали?

— Голова сказала в ванной. Этот ваш телефон. — И я повторила ему разговор почти дословно.

— Хм. Интересно. — Доктор умолк и молчал до самого кабинета, который находился десятью этажами ниже, в бельэтаже.

По пути нам повстречалось несколько постояльцев, не дождавшихся заката — большей частью голые и в масках домино, но некоторые и в маскарадных костюмах: звери, птицы или нечто абстрактное. Одна пара щеголяла искусной раскраской на коже, ничем более не прикрытой. Я была рада, что на мне махровый кафтан.

Когда мы добрались до кабинета доктора Ридпата, я задержалась в приемной, а доктор в сопровождении Пикселя прошел в кабинет. Дверь он не прикрыл — мне было все видно и слышно. Его медсестра, стоя ко мне спиной, говорила по телефону — то есть общалась с говорящей головой. Больше в кабинете, кажется, никого не было. Меня слегка удивило то, что сестра тоже поддалась эпидемии обнажения: на ней были туфли, трусики и шапочка медсестры, а белый комбинезон был перекинут через руку, — видимо, звонок застал ее, когда она раздевалась. Или переодевалась. Сестра была высокая, стройная брюнетка — лица ее я не видела.

— Скажу доку, — говорила она. — Ночью смотрите в оба. Увидимся в тюрьме. Пока. — Она полуобернулась к доктору. — Это Даффи Вайскопф, босс. Сообщаю вам предварительные итоги. Причина смерти — удушье. Причем в горло старому ублюдку, прежде чем залить туда кетчуп, засунули пластиковый конверт со всем известной — или печально известной — карточкой: «Комитет эстетических устранений».

— Я так и предполагал. Он не сказал, какого сорта кетчуп?

— Да божечки, ну сейчас!

— А что это вы разоблачились? Фестиваль начнется только через три часа.

— Смотрите сюда, погоняла! Видите эти часы, отсчитывающие драгоценные секунды моей жизни? Видите, что они показывают? Одиннадцать минут шестого. А в моем контракте сказано, что я работаю до пяти.

— Там сказано, что вы должны оставаться на работе, пока я не отпущу вас, а после пяти вам просто платят сверхурочные.

— Пациентов не было, и я решила переодеться в карнавальный костюм. Погодите, босс, вы его еще не видели! Священника в краску вгонит.

— Сомневаюсь. И потом, у нас пациентка, и мне нужна ваша помощь.

— Ой, ладно, ладно! Сейчас снова оденусь Флоренс Найтингейл¹.

— Чего зря время тратить. Миссис Лонг! Входите, пожалуйста, и раздевайтесь.

— Да, сэръ. — Я вошла, на ходу снимая с себя краденый «кафтан». Все понятно, благоразумный врач принимает больных женского пола только в присутствии сестры. Это универсальное правило во всей мультивселенной. Если сестра при этом голая, тем лучше — не надо и на пациентку напяливать дурацкий балахон. Помогая сначала отцу, а потом проработав много лет в бундоской клинике омоложения и в больнице при ней, я постигла все тонкости медицинского протокола. Сестры в Бундоке одеваются, только когда это требуется

---

¹ Флоренс Найтингейл (1820–1910) — английская медсестра, особенно прославившаяся во время Крымской войны; впоследствии сделала очень много для коренной реорганизации госпиталей и больниц.

по работе — а требуется редко, поскольку пациенты обычно раздеты. — Только не «миссис Лонг», доктор. Меня обычно называют «Морин».

— Хорошо, Морин. А это Дагмар. «Алиса, это пудинг. Пудинг, это Алиса»¹. И Пиксель, Дагмар, — это который на коротких ножках.

— Привет, Морин. Привет, Пиксель.

— *Мя-я-у.*

— Привет, Дагмар. Извините, что задерживаю вас.

— De nada², лапочка.

— Дагмар, из нас двоих кто-то спятил: или я, или Морин.

Скажите кто.

— А может, оба? На ваш счет я давно уже питаю сомнения, босс.

— Это понятно. Но у нее и в самом деле что-то выпало из памяти — это как минимум. Плюс возможные галлюцинации. Вы учили *materia medica* гораздо позже меня: если бы кто-то захотел вызвать у человека временную амнезию, какой бы наркотик он выбрал?

— Что? Вот не надо простачком прикидываться. Алкоголь, конечно. Но это может быть что угодно. В наше время детишки едят, пьют, нюхают, курят и колют все, что не пытаются съесть, выпить или понюхать их самих.

— Нет, не алкоголь. Алкоголь в необходимом для этого количестве вызывает жуткое похмелье с дурным запахом изо рта, дрожью и судорогами, и глаза наливаются кровью. А посмотрите-ка на нее: глаза ясные, здорова как лошадь и невинна, как щенок на чистом белье. Пиксель! Уйди оттуда! Так что же будем искать?

— Не знаю — давайте начнем, тогда увидим. Кровь, моча... слюну тоже взять?

— Конечно. И пот, если наберете.

— И вагинальный мазок?

— Да.

— Погодите, — возразила я. — Если вы собираетесь копаться у меня внутри, мне надо принять душ и подмыться.

---

¹ Л. Кэрролл. Алиса в Стране чудес. — *Примеч. С. В. Голд.*

² Не стоит (*исп.*).

— Фиг тебе, лапочка, — ласково ответила Дагмар. — Нам нужно то, что есть сейчас... а не то, что будет, когда ты сможешь свои грехи. Не спорь, мне неохота ломать тебе руку.

Я умолкла. Мне бы хотелось, чтобы от меня хорошо пахло (или вообще никак не пахло) во время осмотра. Но как докторская дочка и сама терапевт, я знаю, что Дагмар права, раз они ищут наркотики. Вряд ли найдут — но вдруг. У меня и в самом деле выпало несколько часов. Или дней? Все может быть.

Дагмар заставила меня пописать в баночку, взяла у меня кровь и слюну на анализ, потом велела лечь на кресло и поставить ноги в стремена.

— Кому это сделать — мне или боссу? Уйди, Пиксель. Не мешай.

— Все равно.

(Дагмар — по-настоящему внимательная сестра. Некоторые пациентки не выносят, когда их там трогают другие женщины, некоторые стесняются мужчин. Меня-то отец излечил от подобных глупостей, когда мне и десяти еще не было.)

Дагмар отошла за расширителем, и я кое-что подметила. Я уже говорила, что она брюнетка. На ней по-прежнему не было ничего, кроме трусиков — довольно прозрачных. Казалось бы, сквозь них должен просматриваться темный, данный природой фиговый листок, верно?

Так вот — ничего такого. Только тень на коже да самое начало Большого Каньона.

У женщины, которая бреет или как-то по-иному депилирует волосы на лобке, любимый вид развлечения — секс. Мой любимый первый муж Брайан открыл мне на это глаза еще в эпоху декаданса, где-то в 1905 году по григорианскому календарю¹. За свои полтора года лет я убедилась в справедливости этого наблюдения на многочисленных примерах. (Подготовка к операции или к родам не в счет.) А те, кто делает

---

¹ Во многих романах Хайнлайн, говоря о привычном нам летоисчислении, ошибочно использует слова «по григорианскому календарю». Слово «григорианский» относится к структуре календаря (показывает, как устроена внутренняя система счисления дней в году и последовательность високосов). Нумерация же годов определяется типом летоисчисления (мы используем летоисчисление «от Рождества Христова», которое можно также назвать «эрой Дионисия» или «нашей эрой»).

это потому, что им так больше нравится — все без исключения веселые, здоровые, раскрепощенные гедонистки.

Дагмар не собиралась оперироваться и (очевидно!) не собиралась рожать. Она собиралась участвовать в сатурналиях — что и требовалось доказать.

Я испытывала к ней теплое чувство. Брайан, мир его путной душе, оценил бы ее по достоинству.

Дагмар уже знала, в чем заключаются мои «галлюцинации» — во время процедур мы с ней все время болтали, — и знала, что я в городе чужая. Пока она прилаживала этот чертов расширитель (всегда терпеть их не могла, хотя этот обладал температурой тела и его бережно вставляла женщина, сама знающая, что это за радость), я попросила ее, чтобы отвлечься:

— Расскажите мне о вашем фестивале.

— О фестивале Санта-Каролиты? Эй, лапочка, не зажимайся так, осторожней. Ты сделаешь себе больно.

Я вздохнула и попыталась расслабиться. Санта-Каролита — это моя вторая дочь, рожденная в 1902 году по григорианскому календарю.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Комитет эстетических устраний	7
2. Сад Эдема	25
3. Змей-искуситель	43
4. Червоточина в яблоке	58
5. Изгнание из Эдема	77
6. «Когда солдат придет домой...»	94
7. Мы выбиваем чеки	110
8. Сцены богемной жизни	127
9. Доллары и здравый смысл	146
10. Рэндом Намберс	162
11. Ах, кавалер мой элегантный...	179
12. «Смерть кайзеру!»	197
13. «В Европу!»	213
14. Черный вторник	231
15. Бурные двадцатые, скудные тридцатые	251
16. Ужасные сороковые	270
17. Все сначала	286
18. Холостая жизнь	301
19. Кошки и дети	317
20. Прорицательница	330
21. Змеиное жало	345
22. Список эстетически устраняемых	366
23. Приключения Пруденс Пенни	383
24. Упадок и разрушение	403
25. Возрождение в Бундоке	419
26. Пиксель — спасатель	434
27. Ковентрийский перелом	446
28. Вечное сейчас	462
Приложение. Действующие лица мемуаров Морин	469

Хайнлайн Р.

- X 15 Уплыть за закат : Жизнь и любви Морин Джонсон : Мемуары одной беспутной леди : роман / Роберт Хайнлайн ; пер. с англ. Н. Виленской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 480 с. — (Звезды мировой фантастики). ISBN 978-5-389-20883-4

Этот роман Хайнлайна тесно связан с теми его сочинениями, где во главе сюжета великий, ужасный и великолепный долгожитель Лазарус Лонг. Герои книги меняют жизненную концепцию и вместо привычного понятия «Мир как логика» принимают иное, более созвучное их взглядам на окружающее, — «Мир как миф», и живут сообразно выбранному решению. Линии времени, в которых существуют герои, складываются в причудливые сплетения, здесь можно из мира отдаленного будущего вернуться в год, скажем, 1950-й, чтобы пройтись по лондонским магазинам, или отдохнуть на планете мечты Теллусе-Терциусе после того, как тебя в эпоху Безумных лет доводили до сумасшествия маньяки от религии на Теллусе-Прайме, или вмешаться в ход боевых действий в 1941 году. Конечно, агенты из Корпуса времени не дремлют и готовы предупредить подобные несанкционированные перемещения, но на всякого мудреца довольно простоты, как говорит бессмертная поговорка...

В настоящем издании перевод доработан и дан в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
УПЛЫТЬ ЗА ЗАКАТ

Ответственный редактор Александр Етоев
Редактор С. В. Голд
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Лариса Дорохина, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 30.05.2022. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 25,2.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

H-AFA-29798-01-R